

П. И. Янышев

**Сущность христианства с
нравственной точки зрения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. И. Янышев**
Сущность христианства с нравственной точки зрения / П. И. Янышев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 144 с.

ISBN 978-5-458-07237-3

Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, ректора С.-Петербур-
бургской духовной академии протоиерея И. Янышева.

ISBN 978-5-458-07237-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предлагаемыя вниманію читателей статьи «*о сущности христіанства съ нравственной точки зрѣнія*» суть тѣ самыя, которыя во время великаго поста текущаго года читаны были мною въ С.-Петербургскомъ Отдѣлѣ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія сначала въ обыкновенномъ помѣщеніи Отдѣла у Чернышева моста, въ домѣ бывшемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а потомъ въ Соляномъ Городкѣ.

Въ своихъ чтеніяхъ, которыхъ было четыре, я предположилъ дать по возможности краткій, болѣе или менѣе опредѣленный, отвѣтъ на слѣдующіе два вопроса: *что значитъ быть нравственнымъ и что значитъ быть христіаниномъ?*

Въ программѣ этихъ чтеній, въ свое время опубликованныхъ въ с.-петербургскихъ духовныхъ газетахъ, содержаніе каждаго чтенія указано было такъ: «въ отвѣтъ на *первый* вопросъ, которому имѣютъ быть посвящены первыя два чтенія, будутъ указаны: 1) признаки нравственности, доступныя только внутреннему самонаблюденію и 2) содержаніе нравственности, являющееся и во внѣшней жизни; въ отвѣтъ на *второй* вопросъ, которому имѣютъ быть посвящены другія два чтенія, будутъ изложены: 1) черты человѣческой нравственности въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя и 2) ученіе объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣкомъ при дѣйствіи благодати: а) прывывающей къ вѣрѣ во Христа, б) оправдывающей и в) освящающей вѣрующихъ».

Такую программу, равно какъ и самую мысль о чтеніяхъ, внушили мнѣ съ одной стороны мои запятія по преподаванію Нрав-

ственного Богословія въ с.-петербургской Духовной Академіи, убѣдившія меня, какъ не легко составить сколько нибудь отчетливое понятіе о нравственности, особенно имѣя въ виду отечественную богословскую и переводную — философскую литературу по этому предмету, съ другой—желаніе обратить вниманіе любителей духовнаго просвѣщенія въ дни великаго поста на предметъ, который, какъ мнѣ казалось, особенно отвѣчаетъ значенію этихъ дней въ Церкви. Въ послѣднемъ чтеніи *объ усвоеніи духа Христова падшимъ человекомъ при дѣйствіи благодати* мнѣ хотѣлось напомнить ученіе Слова Божія и Церкви объ этомъ предметѣ, который въ послѣдніе годы возбудилъ и доселѣ еще возбуждаетъ толки не только въ сектантскихъ движеніяхъ между простымъ пародомъ, но и, какъ извѣстно, въ нѣкоторой части образованнаго православнаго общества.

Если я рѣшился напечатать чтенія, то единственно въ слѣдствіе неоднократно выраженнаго на этотъ счетъ желанія многихъ изъ тѣхъ любителей духовнаго просвѣщенія, которые удостоивали мои чтенія своимъ вниманіемъ.

Протоіерей Іоаннъ Янышевъ.

18-го мая 1877 года.
С.-Петербург. Духовная Академія.

УТЕНІЕ ПЕРВОЕ:

о признакахъ нравственности, доступныхъ только внутреннему самонаблюденію.

Мм. Гѣ.

Христіанство, своимъ явленіемъ въ мірѣ раздѣлившее его исторію на двѣ великія половины—дохристіанскую и христіанскую, можетъ быть разсматриваемо въ разныхъ отношеніяхъ: и какъ *религія*, т. е. возстановленіе утраченнаго нѣкогда въ лицѣ прародителей союза между Богомъ и человѣкомъ,—и какъ *церковь*, т. е. видимое общество возсоединенныхъ съ Богомъ, отличающееся отъ всѣхъ другихъ обществъ, среди которыхъ оно мало по малу заняло свое высокое мѣсто,—и какъ *источникъ новой культуры* въ той или другой ея сферѣ, или *новыхъ взаимныхъ отношеній между людьми*: семейныхъ и общественныхъ,—и даже какъ *государство*, насколько христіанскія начала успѣли проникнуть собою строй его. Изъ всѣхъ этихъ сторонъ я предпочелъ избрать для настоящихъ бесѣдъ ту, которая, непосредственно касаясь души cadaго изъ христіанъ, составляетъ сущность христіанства, и отъ которой получаютъ свою силу и значеніе всѣ прочія проявленія его въ мірѣ, т. е. я понимаю христіанство прежде всего какъ религію, или что тоже: возстановленное общеніе между Богомъ въ лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя и между отдѣльнымъ вѣрующимъ.

Но и самая христіанская религія, какъ возстановленный союзъ между Богомъ въ лицѣ Христа Спасителя и отдѣльнымъ человѣ-

комъ, можетъ быть разсматриваема опять преимущественно съ одной изъ двухъ сторонъ: или со стороны Бога, пріемлющаго падшаго человѣка въ общеніе съ Собою, или со стороны человѣка, вступающаго въ это общеніе; т. е. мы можемъ отвѣчать или на такіе вопросы: что можно и должно знать о Трїединомъ Богѣ, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ въ мірѣ, въ частности — о приготовленіи Имъ падшаго рода человѣческаго къ принятію Искупителя, какъ понимать соединеніе Божества и человѣчества въ лицѣ Христа Спасителя, Его искупительныя заслуги, Его учрежденія на землѣ и т. п., или на такіе вопросы: что такое человѣкъ, который вступаетъ въ общеніе съ Богомъ въ лицѣ Христа Спасителя, что значитъ это общеніе, какъ и почему оно возникаетъ, въ чемъ проявляется и чѣмъ сопровождается. Совершенно раздѣлить обѣ эти стороны религіи, при ея разсматриваніи, конечно, нельзя; но можно разсматривать ее преимущественно съ первой стороны, и тогда это будетъ значить, что мы становимся преимущественно, выражаясь богословскимъ языкомъ, на догматическую точку зрѣнія; или со второй, и тогда это будетъ значить, что мы становимся преимущественно на нравственную.

Но и становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія для того, чтобы уяснить себѣ сущность христіанства, мы не то хотимъ сказать, что христіанская религія, если ее разсматривать со стороны человѣка, есть тоже, что его нравственность, — понятіе нравственности, подъ содержаніе которой подходятъ между прочимъ всевозможныя союзы человѣка, слѣдовательно и религіозный, очевидно, гораздо шире понятія о религіи, — а только то, что мы хотѣли-бы по мѣрѣ силъ уяснить себѣ нашъ союзъ съ Богомъ во Христѣ со стороны нашей, человѣческой, нравственной потребности. А для того, чтобы лучше уяснить сущность христіанства, какъ религіи, съ этой стороны, мы напередъ нуждаемся въ уясненіи себѣ понятія о томъ, что такое нравственность, что значитъ быть нравствен-

нымъ вообще? Только отвѣтивши на этотъ вопросъ, мы можемъ сказать, что значитъ быть нравственно-религиознымъ въ христіанскомъ смыслѣ, или что значитъ быть христіаниномъ.

Въ настоящее и слѣдующее собранія постараюсь отвѣтить на первый вопросъ; въ остальные два собранія—на второй. Отвѣчая на тотъ или другой вопросъ я не буду входить въ разборъ какихъ-либо теорій нравственности древнихъ или новыхъ философскихъ школъ и какихъ-либо воззрѣній той или другой западной богословеской школы на Лице Христа Спасителя и на дѣло нашего спасенія во Христѣ. Не упуская однакожъ совсѣмъ изъ виду и этихъ теорій и воззрѣній, насколько они мнѣ знакомы, я постараюсь только, по мѣрѣ крайняго моего разумѣнія и руководясь нормами православнаго ученія, дать краткій, болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ на поставленные вопросы. Пусть мой отвѣтъ и не удовлетворитъ христіанской любознательности общества, удостоившаго настоящее чтеніе своимъ вниманіемъ; я былъ бы очень радъ, если бы мои чтенія въ эти святые дни поста послужили кому-либо только поводомъ къ *размысленію* объ единомъ на потребу.

Что значитъ быть нравственнымъ? Что такое — *нравственность*? Это слово, равно какъ и производныя отъ него почти не встрѣчаются въ священномъ Писаніи; они не объясняются и въ символическихъ церковныхъ книгахъ; мнѣ не случалось встрѣчать связнаго объясненія понятія о нравственности въ нашей и не духовной литературѣ. Сколько нибудь выяснить это понятіе естественнѣе всего, кажется, въ томъ порядкѣ, на который наводитъ непосредственный смыслъ самого слова: *нравственность*. Это прекрасное русское слово отчасти соединяетъ въ себѣ, отчасти восполняетъ собою тѣ черты, на которыя указываютъ слова, означающія нравственность въ другихъ европейскихъ языкахъ, каковы: грече-

ское—ἦθος, латинское—*moralitas*, нѣмецкое—*Sittlichkeit*; первое, по толкованію филологовъ (хотя и не всѣхъ) означаетъ прежде всего *остѣлость, постоянство*, затѣмъ *нравъ*, обычай, какъ нѣчто постоянное въ поведеніи человѣка; второе и третье указываютъ ближе всего на *движеніе*,—слѣдовательно и на силу движущую,— а затѣмъ уже на поведеніе и обычай; наше же слово нравственность своимъ сродствомъ съ глаголомъ *нравиться* указываетъ на *чувство*, которому что-то нравится, а своимъ сродствомъ съ словомъ *нравъ* или, что тоже, обычай—на постоянство, съ какимъ къ извѣстнымъ явленіямъ жизни человѣка такъ или иначе относится его чувство. Какъ скоро же есть въ насъ чувство, которому что-либо нравится или не нравится, то значить есть въ насъ и инстинктивное *влеченіе* къ тому, что нравится,—есть сила, ищущая себѣ пищи и удовлетворенія въ томъ, что называется нравственнымъ.

Какъ ни темень этотъ этимологическій намекъ на значеніе слова: *нравственность*,—онъ съ перваго раза заставляетъ предполагать, что нравственность не есть что-либо, что мы можемъ мыслить въ формѣ напр. извнѣ только предписаннаго намъ къ исполненію закона, къ которому мы въ глубинѣ души могли бы оставаться равнодушными. Уже законодатель Моисей, изложивъ данные Богомъ израильскому народу законы, говоритъ: *заповѣдь сія, которую я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и недалеко. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: кто взойдетъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? И не за моремъ она, чтобы можно было говорить: кто сойдетъ бы для насъ за море, и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? Но весьма близко къ тебѣ слово сіе; оно (не только) въ устахъ твоихъ, (но) и въ сердцѣ твоемъ, чтобъ исполнять его.* (Второз. XXX, 11—14). По названію своему такъ сродная съ нравами, обычаями, нравственность, какъ мы можемъ уже предбугадывать, едвали есть

что-либо мимолетное, непрестанно мѣняющееся, но подобно этимъ устойчивымъ нравамъ вѣроятно возрастаетъ постепенно внутри чело-вѣка, какъ то дерево, о которомъ Спаситель говорилъ: *всякое де-рево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево прино-ситъ и плоды худые. Итакъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.* (Матѣ. VII 17—20). Она не должна быть чѣмъ-либо и совѣмъ безотчет-нымъ, чего бы мы не могли живо чувствовать и слѣдовательно ясно сознать; напротивъ внутри насъ есть какое-то чувство, послу-жившее корнемъ для названія всего нравственнаго, невольно на-поминающее то внутреннее око, о которомъ говорится, что если этотъ свѣтильникъ погаснетъ въ чловѣкѣ, или если это око по-теряетъ свою чистоту, или даже само превратится въ мракъ, сдѣ-лается тьмою, то какова же будетъ тьма въ чловѣкѣ? (Матѣ. VI, 22—23). Короче: слово нравственность, для своего разъясненія, обращаетъ наше вниманіе на нашу собственную природу и въ ней прежде всего на наши чувствованія, въ основѣ которыхъ лежатъ всегда такія или другія, сознательныя или безсознательныя вле-ченія или стремленія. Чувствованія же наши, равно какъ и ощу-щенія, различаются между собою смотря, главнымъ образомъ, по-тому: чѣмъ, *какимъ предметомъ они воздуждаются*, и что, *ка-кое содержаніе относительно этого предмета они вносятъ въ наше сознаніе*. Что же такое нравственное чувство, т. е. чѣмъ оно возбуждается и какое содержаніе относительно своего предмета вносить въ наше сознаніе?

Говоря о сознаніи и содержаніи сознанія мы уже отличаемъ сознаніе, какъ содержащее, какъ форму отъ того, что въ нее входитъ и въ ней содержится, подобно тому, какъ свѣтъ мы отли-чаемъ отъ тѣхъ предметовъ, которые имъ освѣщаются или ко-торые онъ дѣлаетъ видимыми. Это содержаніе сознанія, эти пред-меты, освѣщаемые имъ, какъ всякій изъ насъ испытываетъ въ себѣ, безконечно разнообразны, непрестанно мѣняются одни другими, то

появляются, то исчезаютъ въ сознаніи, хотя и никогда не уничтожаются, составляя то, что называется памятью; но самое сознаніе, самый свѣтъ, въ которомъ являюся наши внутреннія состоянія, остается неизмѣннымъ и только бываетъ то шире, то уже, то свѣтлѣе, то темнѣе. Но, что для насъ особенно важно, сознаніе или этотъ духовный свѣтъ не возможны въ насъ не только безъ еознанія *чего-либо*, что возникаетъ въ немъ, какъ его содержаніе, но и вмѣстѣ безъ *самосознанія*, безъ того, чтобы, сознавая что-либо, мы въ тоже время не сознавали и того, что это *мы* сознаемъ, что наше *я есть дѣйствующее въ этомъ сознаніи*, что оно есть какъ бы неизмѣнный *центр* въ этомъ свѣтѣ и *энергія* его движенія; такъ что для насъ сознаніе невозможно не только безъ чего либо сознаваемого, безъ содержанія сознанія, но и безъ сознающаго *я*. Сознавая что-либо, мы всегда вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ и себя самихъ, какъ дѣятелей своего сознанія. А отъ этого выходитъ, что и всѣ чувствованія, какъ сознательныя наши состоянія, выражающія удовлетвореніе или неудовлетвореніе тѣхъ или другихъ потребностей нашей природы, называются *нашими* чувствованіями,—тогда какъ далеко не всѣ они возбуждаются этимъ нашимъ *я* или нами самими. Когда мы сознаемъ и говоримъ: это тѣло твердо или мягко, эта пища вкусна или не вкусна, этотъ запахъ пріятенъ или отвратителенъ, колоритъ этой картины, звукъ этой музыки грубъ или нѣженъ, эта паружность привлекательна или безобразна, это ученое изслѣдованіе ясно, правдиво, безпристрастно, или спутанно, фальшиво,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы выражаемъ о разныхъ предметахъ *нашими* ощущенія и чувствованія,—но эти ощущенія и чувствованія относятся не къ нашему *я*, а къ тѣмъ предметамъ, которыми они возбуждены; отъ того и всѣ эти свойства тѣлъ, вкусовъ, запаховъ, цвѣтовъ, изящества, истинности, хотя они выражаютъ наши состоянія, мы приписываемъ не себѣ самимъ, но тѣмъ предметамъ, ко-

торые повліяли на насъ. Таковы и суть всѣ ощущенія тѣлесно-органическія и чувствованія эстетическія и уметвенныя. Всѣ они относятся къ тому, что существуетъ, или по крайней мѣрѣ можетъ мыслиться, какъ существующее внѣ нашего *я*,—служать для его дѣятельности и состоянія, какъ говорятъ, объектомъ; всѣ они, составляя наши пріятныя или непріятныя состоянія, лишенія и страданія или наслажденія, даютъ безконечно-разнообразный и богатый матеріалъ для представленій и понятій о свойствахъ предметовъ и явленій міра, даже о тѣхъ или другихъ независящихъ отъ нашего *я* свойствахъ нашей собственной души, которыя въ этомъ случаѣ наблюдаются нашимъ *я*, какъ его объектъ, лежащій внѣ центра сознанія, — но не о самомъ этомъ *я*, не о самомъ центрѣ нашего сознанія, который самъ для себя никогда не можетъ сдѣлаться объектомъ, т. е. не можетъ раздвоиться.

Не тѣмъ возбуждается и не о томъ даетъ знать наше нравственное чувство. Потребности моей природы живутъ во мнѣ и я не могу отдѣлить ихъ отъ своего *я*,—но чтобы удовлетворить имъ, я вынужденъ *самъ* такъ или иначе дѣйствовать, совершать движенія, смотрѣть, слушать, мыслить; чтобы слушать напр. чтеніе, или узнать содержаніе книги, нужно придти на чтеніе, или достать книгу, нужно вниманіе, соображеніе и т. д. Для эстетическаго наслажденія, особенно же для художественнаго творчества требуется не только извѣстная степень эстетическаго развитія, но и такое или другое *самодѣятельное* отношеніе къ изящнымъ предметамъ, *вниманіе* къ ихъ свойствамъ, *усиліе* въ идеальномъ воспроизведеніи ихъ и т. под. Тоже должно сказать и объ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей нашей природы. Для удовлетворенія всѣхъ ихъ нуженъ исходящій отъ меня самого такой или другой процессъ внутренней или внѣшней дѣятельности, — и вотъ *эта-то дѣятельность, поскольку она сознается зависящею*

отъ меня самого, и составляетъ тотъ предметъ, которымъ возбуждается мое чувство, называемое нравственнымъ.

Нравственное влеченіе и чувство не проявляется помимо стремленія къ удовлетворенію моихъ органическихъ, умственныхъ, эстетическихъ, общежительныхъ потребностей, — но тѣмъ не менѣе въ моемъ сознаниіи отнюдь не смѣшивается съ ними. Сознательно удовлетворяя или не удовлетворяя всѣмъ прочимъ своимъ потребностямъ, я *въ то же время* самымъ процессомъ дѣйствій, *поскольку онъ отъ меня зависитъ*, удовлетворяю или не удовлетворяю и своему нравственному чувству, — и потому, испытывая тѣ или другія пріятныя или непріятныя состоянія, возбуждаемыя удовлетвореніемъ прочихъ потребностей моей природы, я въ то же время испытываю такое или другое нравственное состояніе; при чемъ очень часто случается, что дѣйствія наши, направленные къ удовлетворенію какой-либо органической или духовной потребности и доставляющія свойственныя этимъ потребностямъ удовольствія, въ то же время оскорбляютъ нравственное чувство, и на оборотъ, идя въ разрѣзъ противъ той или другой потребности, вполне удовлетворяютъ нравственной; отъ чего и происходитъ то, что мы въ страданіяхъ можемъ радоваться, или среди органическихъ или эстетическихъ наслажденій смертельно страдать въ глубинѣ души. Такъ мы видимъ предъ собою два міра, служащіе источникомъ нашихъ чувствованій, — одинъ міръ объективный въ обширномъ смыслѣ сего слова, къ которому вольно или невольно наше я ставитъ себя въ такія или другія отношенія и отъ котораго возникаютъ въ немъ такія или другія ощущенія и чувствованія; другой міръ субъективный, *міръ отъ меня исходящей дѣятельности*, моихъ собственныхъ намѣреній и дѣйствій, служащій источникомъ другаго рода чувствъ, называющихся *нравственными*.

Отличаясь отъ прочихъ предметныхъ чувствованій тѣмъ, что оно возбуждается не объективнымъ міромъ, а отъ насъ исходящею,